

ЎЗБЕКИСТОН ССР ФАНЛАР АКАДЕМИЯСИ
АКАДЕМИЯ НАУК УЗБЕКСКОЙ ССР

ЎЗБЕКИСТОНДА
ИЖТИМОЙ
ФАНЛАР

Журнал 1957 йилдан чиқа бошлаган

1989

8

ОБЩЕСТВЕННЫЕ
НАУКИ
В УЗБЕКИСТАНЕ

Журнал издается с 1957 года

легкой промышленности республики, отвечающее задачам удовлетворения растущих запросов населения в ее многообразной продукции как по качеству, так и по ассортименту.

А. Е. Климова, А. Т. Юсупов

«СИЛСИЛАТ АС-САЛАТИН» О ПОЛИТИЧЕСКОМ ПОЛОЖЕНИИ БУХАРСКОГО ХАНСТВА В СЕРЕДИНЕ XVII ВЕКА

«Силсилат ас-салатин» («Генеалогия государей») — малоизвестное сочинение¹, излагающее в основном историю Средней Азии XVI — первой четверти XVIII в. Написано в 1143/1730—31 г. в Индии. Автор — ходжи Мир Мухаммад Салим, уроженец Средней Азии, принадлежал к дому Аштарханидов. Прадед его, Пайанда Мухаммад султан, был женат на сестре Аштарханида Надр Мухаммад-хана (1642—1645). Мир Мухаммад Салим покинул Среднюю Азию в 1123/1711 г. и после долгих скитаний оказался в Индии, при дворе Бабурида Насир ад-Дина Мухаммад-шаха (1131/1719—1161/1748), по поручению которого и была составлена эта «Генеалогия».

Сочинение можно условно разбить на четыре части. Самая большая и оригинальная из них — последняя часть, содержащая ценные сведения по социально-политической истории Средней Азии при четырех аштарханидских правителях: Имамкули-хане (1020/1611—1052/1642), Надр Мухаммад-хане (1052/1642—1055/1645), Абд ал-Азизе (1055/1645—1091/1680), Субханкули-хане (1091/1680—1114/1702).

Здесь мы вкратце остановимся на тех данных «Силсилат ас-салатин», которые представляют значительный интерес в освещении политической жизни Бухарского ханства в середине XVII в., при Надр Мухаммад-хане.

Как известно, в 1052/1642 г. Имамкули-хан, будучи больным (он ослеп в результате воспаления глаз), решил уступить престол своему брату Надр Мухаммад-хану, гравившему в то время Балхом. Согласно «Силсилат ас-салатин», этот шаг хана вызвал недовольство у бухарской знати. Мир Мухаммад Салим, в частности, пишет: «Высокостепенные узбекские сановники и старейшины [родов], которые были в восторге и признательны его величеству хакану за благие черты [его] нравственного облика и [за его] щедрость, однако, учитывая молодость и пылкость [характера] и отсутствие опыта у Саид Надр Мухаммад-хана, не дали согласия на назначение того благородного происхождения царевича»².

Как видно, Имамкули-хан оказался в довольно трудном положении. В «Силсилат ас-салатин» мы находим совершенно новые данные о политической ситуации в Бухаре того периода. По сведениям Мир Мухаммад Салима, Имамкули-хан перенес место церемонии передачи власти из Бухары в Самарканд, где положение, видимо, было более благоприятным. При этом он скрыл от окружения истинную цель своей срочной поездки в Самарканд. Так, в послании, отправленном им Надр Мухаммад-хану, говорилось: «Мы с намерением проститься с наполненным благодеяниями кладбищем хазрата ходжа Ахрара, да освятит аллах его могилу, отправляемся в подобный райскому саду Самарканд. Потому представляется необходимым, что тот [наш] брат [всем своим] телом и духом должен спешить, подобно молнии, и, отправившись через Хисарскую дорогу, прибудет туда, чтобы вместе [могли] совершить обхождение вокруг [пробницы того] святого»³.

Мир Мухаммад Салим сообщает, что встреча эта произошла 4 шабана 1051/8 ноября 1641 г., а церемония объявления Надр Мухаммад-хана правителем государства Аштарханидов состоялась в Самарканде 6 шабана 1051/10 ноября 1641 г. Во время пятничного намаза была прочитана хутба на имя Надр Мухаммад-хана⁴.

В «Силсилат ас-салатин» указана и точная дата официального восшествия Надр Мухаммад-хана на ханский престол в Бухаре: 20 зу-л-хиджа 1051/22 марта 1642 г.⁵ Престолонаследником был объявлен султан Абд ал-Азиз, старший сын Надр Мухаммад-хана.

Всем царевичам были определены уделы: Абд ал-Азизу — Самарканд, Хосров султану — Кундуз, Бахрам султану — Ташкент, Субханкули султану — Балх, Кутлук Мухаммад султану — Хисар. Малолетнего царевича Абд ар-Рахман султана Надр Мухаммад-хан оставил при себе, но он считался владельцем Андхуда и Шебергана. Мухаммад-йар султану был отдан Шахрисабз, Касым Мухаммад султану — Хузар⁶. К каждому царевичу был приставлен в качестве аталыка⁷ опытный эмир из наиболее влиятельных узбекских племен.

¹ См. о нем: Ахмедов Б. А. Историко-географическая литература Средней Азии XVI—XVIII вв. (Письменные памятники). Ташкент, 1985. С. 101—110.

² Силсилат ас-салатин, ркп. Бодлеянской библиотеки, № 269, л. 1996—200а.

³ Там же, л. 200б.

⁴ Там же, л. 201б.

⁵ Там же, л. 202а.

⁶ Там же, л. 204б—205а, 209б.

⁷ Аталык (тюрк.— аталык, атака, атабек; букв. «заступающий место отца») — один из высших чинов в государстве, второй человек после хана и султанов. (Подобно см.: Ахмедов Б. А. История Балха. Ташкент, 1982. С. 150—151).

Надр Мухаммад-хан правил недолго. Вскоре после его восшествия на престол в стране активизировались недовольные политикой хана эмиры. Судя по сведениям «Силсилат ас-салатин», в результате измены некоторой части феодальной верхушки Мавераннахра (Иалангтуш-бия, Суйунч-бия, Назар-бия и др.) Надр Мухаммад-хан вынужден был уступить престол в Бухаре своему сыну Абд ал-Азизу, а сам вновь отбыл в Балх. Но и там ему не суждено было править спокойно, поскольку в одной из областей Балхского владения «подняла голову неповиновения толпа, причинявшая зло [трону], и что бы им не попало в руки из имуществ, подвергали грабежу»⁸.

Оказавшись в трудном положении, Надр Мухаммад-хан отправляет Назар-бий шабайта к правителю Бабуридской Индии Шах-Джахану (1037/1628—1068/1657—53) с посланием, в котором он жалуется на неповиновение своего сына (Абд ал-Азиза), вероломство сановников, воинов и просит о помощи⁹.

Причину обострения внутривнутриполитической обстановки в Бухарском ханстве автор «Силсилат ас-салатин» видит в большой приверженности Надр Мухаммад-хана к балхским эмирам, его недальновидной политике по отношению к некоторой части бухарской знати. Любой важный вопрос, по мнению бухарских сановников, решался вопреки их интересам. Все началось с того, что Надр Мухаммад-хан присвоил Абд ар-Рахман-бию чин аталыка за его поддержку Абд ал-Азиза в сражениях против калмыков в 1053/1643¹⁰. До того всемогущий эмир Иалангтуш-бий был смещен с должности правителя Кахмерда, который считался его икта¹¹.

Кроме того, Надр Мухаммад-хан большую часть времени проводил в Балхе, что послужило для недовольной части столичной знати поводом для разжигания раздора между ним и царевичем Абд ал-Азизом. Последний через приближенных отца несколько раз пытался склонить его к соблюдению обычая предков, т. е. находить в стольном городе — Бухаре (Балх, как известно, считался местопребыванием наследника престола). «Так как его величество Надр Мухаммад-хан прожил в Балхе в течение сорока лет и привык к тамошнему климату,— говорит Мир Мухаммад Салим,— то не согласился [принять предложение сына]. Это расстроило благородного происхождения царевича и у него в глубине души пробудились опасения [о своем будущем]»¹². Ко всему сказанному следует прибавить чрезмерную алчность Надр Мухаммад-хана, который не только обирал трудовой народ, но и не прочь был нажиться на разных сделках с землевладельцами, торговцами и др. Как явствует из сообщений «Силсилат ас-салатин», он часто прибегал к аренде земель икта под пастбища для своих огромных стад. При этом он, «оказав любезность, сколько бы ни говорил владельцам икта, чтобы [они] за причиненный им ущерб взяли бы из казны наличными золотом, внешне они отказывались, но в душе жалели»¹³.

В итоге Надр Мухаммад-хан оказался владельцем огромного состояния. Мир Мухаммад Салим пишет, что, когда хан, укравшись в Карши, держал совет о дальнейших действиях в кризисной для него ситуации, местное население подняло бунт и начало грабить находившиеся в той области стада и иное имущество хана. Там у него, оказывается, паслось 80 000 овец, 600 катаров верблюдов, а в его казне было 60 лаков танга¹⁴.

А когда Мурад-Бахш овладел Балхом и захватил ханскую казну, то в ней нашли массу разного рода дорогих тканей, драгоценностей и 70 тыс. рупий наличными. Хану принадлежало также огромное количество лошадей, верблюдов, коров и овец¹⁵.

Теряя доверие приближенных, Надр Мухаммад-хан и сам стал подозрительным, видя в каждом человеке своего врага. Многих он физически устранил, другие с трудом спаслись бегством. Так, по его приказу сыновья Хафиз Барата убили Ураз-бия — одного из крупных эмиров. Абд ар-Рахмана диван-беги хан отправил в Гури, где Балтуи джибачи, правитель области, подал ему кумыс, смешанный с ядом¹⁶.

Все это отталкивало от хана людей, умножало число его врагов. В конце концов, как отмечает автор, «Силсилат ас-салатин», «кроме нескольких калмыцких рабов и прислуги, рядом с ханом никого не осталось»¹⁷.

⁸ Силсилат ас-салатин, л. 223а.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же, л. 211а.

¹¹ Там же, л. 211б. Икта (араб. букв. «отрезок», «деление», «наделить землей») — земельное и иное пожалование членам правящего дома и феодальной верхушки в качестве удела. Оно могло составлять целую область или округ, в зависимости от общественного положения получившего его — иктадара. (Подробно см.: Ахмедов Б. А. История Балха. С. 134—140).

¹² Силсилат ас-салатин, л. 211б.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же, л. 217а. Катар — цепь верблюдов, соединенных вместе и идущих друг за другом гуськом; число животных в одном катаре колеблется от 10 до 100 (Мухимханская история/Перевод с тадж., предисловие, примечания, указатели А. А. Семенова. Ташкент, 1956. С. 260). Лак — индийская единица счета, равная 100 тыс.

¹⁵ Силсилат ас-салатин, л. 235б.

¹⁶ Там же, л. 222а.

¹⁷ Там же.

Лишившийся верховной власти Надр Мухаммад-хан вскоре отправился в паломничество в Мекку, но по дороге скончался в иранском городе Семнан.

Таким образом, как видно из сообщений «Силсилат ас-салагин», в середине XVII в. Бухарское ханство было охвачено междоусобицей и династическими распрями, ослаблявшими государство и ложившимися тяжким бременем на плечи трудового народа, которого грабили и хан, и его приближенные, и мятежные феодалы.

А. Зияев

К ХАРАКТЕРИСТИКЕ СУФИЙСКОГО БРАТСТВА НАКШБАНДИИЯ В СРЕДНЕЙ АЗИИ XIV—XV ВЕКОВ

История происхождения и развития суфизма, как и деятельность суфийских братств, показывает, что при сохранении их основной идеи о якобы возможном прямом духовном общении человека с богом, их роль и социальный статус в различные периоды менялись. Одни братства, как правильно отмечал И. П. Петрушевский, «своей проповедью пассивной созерцательной жизни и отказа от всякой активной деятельности в обществе» укрепляли власть феодалов над народными массами, другие же в той или иной мере и форме выражали протест против социального угнетения, проповедовали активную жизнедеятельность и труд¹. При этом на различных этапах общественного развития некоторые суфийские братства могли сочетать и те, и другие взгляды.

Многое мешает еще всестороннему изучению суфийских течений. Так, отсутствие в отечественном востоковедении систематизированных и обобщенных исследований по суфийской терминологии значительно усложняет изучение исламского мистицизма. В научной литературе, например, только для определения понятия суфийского объединения употребляются слова «братство» «силсила», «тарика» или «тарикат», «орден». Какую же смысловую нагрузку они несут?

Силсила включает в себя понятие генеалогической преемственности, «духовной цепочки», с которой в основном совпадает история суфийского братства. *Силсила* — не просто родословная, но и духовный иснад братства, т. е. передача религиозного знания от муршида (учителя) к муриду (ученику), которая начинается, согласно традиции, от «первого учителя» — Мухаммада; иначе говоря, ее начало возводится к истокам ислама. Для суфизма это особенно важно, ибо авторитет мистика определяется наличием у него «достоверного» иснада. Понятие «силсила» появляется в период, когда «разрозненные суфийско-дервишеские обители стали объединяться в большие и могущественные братства со своими системами, культом «святых» основателей-эпонимов и их преемников — главных шейхов»².

Более емкое определение братства — *тарика* (*тарикат*), или путь духовного совершенствования суфиев. В данном случае этот термин отражает не только систему подготовки к суфийскому пути, но и родственные системы суфизма и связанные с ними дервишеские братства³. Это слово более точно соответствует понятию «суфийское братство», в отличие от механически перенесенного из христианской церковной терминологии слова «орден». Наиболее веским аргументом в пользу термина «тарика» является его использование в суфийских письменных памятниках.

При изучении суфизма в Средней Азии XIV—XV вв. крайне важным представляется выявление роли братства накшбандийа, его места в феодальном обществе Мавераннахра, характера идеологии этого братства и причин его политических успехов. История накшбандийа может служить яркой иллюстрацией противоречивости и неоднородности исламского мистицизма на различных этапах его развития.

До сих пор указанные проблемы не получили соответствующего освещения в отечественной исторической науке, хотя и привлекали внимание многих исследователей. Критическому анализу этой ситуации посвящена статья А. Н. Болдырева⁴.

В нашем распоряжении имеются пока лишь немногие факты из истории накшбандийа, извлеченные из письменных памятников. Но даже эти скудные данные и их анализ свидетельствуют о важности изучения данного суфийского братства.

Один из источников для изучения тариката накшбандийа XIV—XV вв. в Средней Азии — «Рашахот'айн ал-хайат» Фахриддина Али ал-Кашифи ас-Сафи. Автор книги приводит имена 94 шейхов накшбандийа, их жизнеописание и характеристики. Доводя силсила до Ходжа Ахрара, он предоставляет исследователям обширный материал о жизни и деятельности последнего. Существуют и многочисленные «силсиле-и накшбандийа»⁵, написанные в разное время различными авторами.

¹ Петрушевский И. П. Ислам в Иране в VII—XV веках. Л., 1966. С. 347.

² Там же. С. 342.

³ Там же. С. 311.

⁴ Болдырев А. Н. Еще раз к вопросу о Ходжа Ахраре // Духовенство и политическая жизнь на Ближнем и Среднем Востоке в период феодализма. М., 1985. С. 47—63.

⁵ См.: ркп. ИВ АН УзССР, инв. № 11260-XI, 6832, 10740, 12540-IV, 11235-II и др.

ЎЗБЕКИСТОН ССР ФАНЛАР АКАДЕМИЯСИ
АКАДЕМИЯ НАУК УЗБЕКСКОЙ ССР

ЎЗБЕКИСТОНДА
ИЖТИМОЙ
ФАНЛАР

Журнал 1957 йилдан чиқа бошлаган

1990

9

ОБЩЕСТВЕННЫЕ
НАУКИ
В УЗБЕКИСТАНЕ

Журнал издается с 1957 года

в Гандхаре. По мнению большинства исследователей, они появились на Востоке в результате влияния эллинистических традиций, особенно Египта. Поэтому первоначальные изображения на «туалетных дисках» Гандхары были эллинистического характера. Позднее, в результате влияния местных культурных традиций, в изображениях появились индийские элементы, а затем получили распространение диски с изображениями преимущественно индийской тематики.

Перед нами, видимо, тот сложный исторический период, когда происходил интенсивный процесс слияния двух культурных традиций — Востока и Запада. Вероятно, именно этим объясняется изображение на поделке из Термеза двух разнообразных по происхождению сцен. Этот процесс синкретизации двух культур, по всей видимости, происходил во II в. до н. э. — I в. н. э. Именно на этот период падает и широкое распространение «туалетных дисков».

Датировка же термезской поделки может быть определена не ранее, чем I в. н. э., а скорее всего, ближе ко II—III вв. н. э. На это указывают сама техника исполнения, стиль изображения, поза женщины, форма лотки, которые находят близкие аналоги в коропластике, монументальной скульптуре, живописи Средней Азии и Гандхары I—III вв. Форма меча также не противоречит предложенной датировке. Как уже отмечалось выше, аналогичные по форме мечи изображены на монетах Хувинки и Васудевы, которые правили в конце II—III в. н. э. На монетах более ранних кушанских правителей (Вима Кадфиз, Канишка) мечи изображены широкими и массивными. Опираясь на эти доводы, можно заключить, что «туалетные диски» продолжали существовать вплоть до III в. н. э., как это допускает и пакистанский ученый Дар²³. Естественно, со временем изображения на них менялись в соответствии с художественными запросами населения. Однако нередко мастера прибегали к изображению древних сцен в память о минувших временах, что, возможно, мы и видим на примере термезской поделки.

Надо отметить и еще одно обстоятельство: все найденные на территории Северной Бактрии диски относятся к позднекушанскому времени и даже к раннему средневековью. Что это — случайность, или они действительно сохранились до столь позднего времени? Нам представляется, что отдельные из них, видимо, были найдены в переотложенных слоях. Тем более, что неизвестно ни одного диска, происходящего из Гандхары, из слов поры раннего средневековья. К тому же отдельные исследователи, в частности Франкфорт, отмечают резкое сокращение количества дисков уже к раннекушанскому времени²⁴.

О назначении «туалетных дисков» пока трудно сказать что-либо определенное. Одни исследователи полагают, что они могли служить для красок, притираний и т. д.²⁵ Другие связывают их с каким-то культом²⁶. Пожалуй, это ближе к истине. Но вполне возможно, что часть дисков действительно использовалась для притираний, другая — для украшений или иных целей. Термезская поделка могла служить либо культовым предметом, либо своеобразным украшением.

Находка этой поделки позволяет уточнить особенности развития памятников гандхарского искусства малых форм, а обнаружение ее на территории Северной Бактрии указывает на теснейшие экономические и культурные связи данной области с Северо-Западной Индией. Техника ее исполнения указывает на высокий профессиональный уровень резчика-каменотеса, который на сравнительно небольшой площади в мельчайших подробностях воспроизвел сложные сцены. Глубокий рельеф и линейно-графическая манера исполнения усиливают впечатление объемности. Все это придает изображению динамизм и жизненный реализм. Явно, что мастер в совершенстве владел всеми тонкостями своего ремесла, хорошо знал морфологическую структуру камня данной породы, его пластические свойства (твердость его равна 2—3 по 10-балльной шкале Мооса).

По мнению М. Халлада, «туалетные диски» с эллинистическими изображениями, отличающиеся высокой техникой исполнения, являются импортными, остальные же, с более упрощенной техникой выполнения — гандхарскими²⁷. Однако наличие на термезской поделке изображений и эллинистического, и индийского характера, одинаково выполненных в высокохудожественных традициях античного времени, противоречит данному мнению.

Ш. Р. Пидаев

²³ Salfur Rahman Dar. Op. cit. P. 143.

²⁴ Francfort H. P. Op. cit. P. 92—94.

²⁵ Пугаченкова Г. А. Квартал керамистов. С. 140.

²⁶ Salfur Rahman Dar. Op. cit. P. 148—149.

²⁷ Hallade M. Gandharan Art of North India and the Greco-Budhist Tradition in India, Persia and Central Asia. New York, 1968. P. 27.

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

«СИЛСИЛАТ АС-САЛАТИН» КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

«Силсилат ас-салаatin» — редкий и ценный источник по истории народов Средней Азии и соседних стран зарубежного Востока XVI—начала XVIII в. Тем не

менее он стал известен совсем недавно¹. Составлен он в 1143/1730—31 г. в Индии выходящем из Средней Азии хаджи Мир Мухаммад Салимом. Хотя «Силсилат ас-салатин» посвящен политической истории Средней Азии и ее взаимоотношениям с Индией, Ираном, Афганистаном и Турцией, однако он содержит и много оригинальных сведений по экономике, культуре и географии средневековой Средней Азии.

В источнике припадают сведения о таких феодальных институтах, как суюргал, икта, танхак, вакф, о строительстве культовых (мечетей, медресе, ханаках, надгробий), гражданских (караван-сараяв, чар-су, сардаба, чарбагов), памятных (башни и т. д.) сооружений. Большое значение имеют данные о населенных пунктах, караванных путях и т. д. Заслуживают внимания отдельные сообщения о видных шейхах, богословах и др.

Так, излагая историю приезда в Мазераннахр Аштарханида хаджи Ярмухаммад-хана при Шейбаниде Искандар-хане (968/1561—991/1583), автор сообщает, что бухарский хан якобы предложил Ярмухаммаду вместе управлять страной, однако тот отказался. После этого Искандар-хан «выделил [ему] в качестве суюргала некоторые обработанные земельные участки в [некоторых] районах страны»². Характерно, что хаджи Ярмухаммад-хан был наделен правом использовать доходы от этих земель только для своих нужд, полностью освобожден от налогов и повинностей³.

Хотя в сочинении не указано, где именно находились эти участки, можно предположить, что они были выделены в области Мианкаль. По словам Мир Мухаммад Салима, последний представитель Шейбанидов на бухарском троне Пирмухаммад-хан (1006/1598—1009/1601) в 1008/1599 г. закрепил эту область за Ярмухаммад-ханом в виде суюргала⁴. А после смерти последнего в период правления Аштарханида Баки Мухаммад-хана (1009/1601—1013/1605) «эта область была пожалована его потомкам в качестве суюргала»⁵. И при Аштарханиде Абд ал-Азиз-хане (1055/1645—1092/1681) Мианкаль считался суюргалом (икта) правнуков Ярмухаммад-хана — Кабул Мухаммад-султана и Турсун Мухаммад-султана⁶.

Пожалование икта (суюргала) зависело от решения верховного правителя. Например, он мог пожаловать сразу несколько областей. Об одном из таких случаев (правда, не в Бухарском ханстве) в сочинении говорится следующее. Правитель Сефевидского Ирана, шах Аббас I (995/1587—1038/1629) активно поддерживал Рустам-султана, сына аштарханидского хана Вали Мухаммада (1013/1605—1020/1611) в его набегах на Балх. После того, как этот царевич в 1022/1613 г., потерпев поражение от балхского войска, бежал в Герат, шах приказал своему гератскому наместнику выделить аштарханидскому султану «в качестве суюргала области Убех, Шафелан и некоторые другие местности»⁷.

Суюргаль (икта) жаловались по различным причинам. Например, рассказывая о взаимоотношениях Бухарского ханства и Хорезма первой половины XVII в., Мир Мухаммад Салим упоминает такой случай. В 1052/1642 г. в Бухару прибыли хивинские послы, чтобы заручиться военной помощью у Аштарханида Надр Мухаммад-хана (1051/1642—1055/1645). Последний удовлетворил их просьбу. Кроме того, хивинским послам, которые по политическим мотивам не могли возвратиться на родину, хан «выделил плодородные иктовые земли в селе Вапкенд», где они и поселились. По словам автора «Силсилат ас-салатин», эта икта оставалась за их потомками и в годы составления упомянутого сочинения⁸.

В «Силсилат ас-салатин» имеются некоторые данные об институте вакф⁹. В ча-

¹ Подробнее см.: Ахмедов Б. А. Историко-географическая литература Средней Азии XVI—XVIII вв.: Письменные памятники. Ташкент, 1985. С. 101—110; Зияев А. Х. «Силсилат ас-салатин» о политическом положении Бухарского ханства середины XVII в. // Общественные науки в Узбекистане. 1989. № 8. С. 44—46.

² Силсилат ас-салатин, л. 124б. Суюргал как категория землевладения возник на рубеже XIV—XV вв. и в основном был наследственным, с предоставлением его владельцу налогового и административно-судебного иммунитета. В XVI—XVII вв. термин «суюргал» употреблялся в источниках в одном значении с термином «икта» и оба означали условное земельное пожалование членам правящего дома, султанам, военачальникам, государственным деятелям за особые заслуги перед тронном, с предоставлением им экономических и административно-судебных прав. (Подробнее см.: Абдураимов М. А. Очерки аграрных отношений в Бухарском ханстве в XVI—первой половине XIX в. Т. 2. Ташкент, 1970. С. 100—112; Ахмедов Б. А. История Балха. Ташкент, 1982. С. 134—140).

³ Силсилат ас-салатин; л. 124б.

⁴ Там же, л. 160б.

⁵ Там же, л. 163а.

⁶ Там же, л. 286б.

⁷ Там же, л. 187б.

⁸ Там же, л. 209б.

⁹ Вакфом именовалось движимое и недвижимое имущество (земли, каналы, мельницы, лавки, караван-сарай и т. д.), завещанное государем или другими лицами в пользу религиозных учреждений — мечетей, медресе, благотворительных учреждений и т. д. (Подробнее см.: Абдураимов М. А. Очерки... Т. 2. С. 63—78).

стности, сообщается, что Шейбанид Абд ал-Азиз-хан (947/1540—957/1550) обратил в вакф свою богатейшую библиотеку, «которая была весьма известна в то время и ею пользуются ученые до сих пор»¹⁰, т. е. в первой половине XVIII в.

Заслуживают внимания сведения о превращении в вакф различных материальных ценностей. По словам Мир Мухаммад Салима, вскоре после восшествия на престол Бухары, в 1009/1601 г., Аштарханиду Баки Мухаммад-хану удалось изгнать из Балха последних представителей Шейбанидов и их сторонников. Некоторые из них прибыли в Исфахан к шаху Аббасу I. Среди привезенных ими подарков шаху «был кусок бесценного алмаза (алмас)»¹¹.

Историю этого драгоценного камня Мир Мухаммад Салим излагает следующим образом. В 951/1544 г., потерпев поражение от афганца Шер-хана, правитель Индии Бабурид Хумаюн (937/1530—947/1540; вторично — 962/1555—963/1556) обращается за поддержкой к Сефевиду Тахмаспу I (930/1524—984/1576). В качестве подарка шаху он преподнес крупный алмаз, взятый им из государственной казны. Впоследствии тот алмаз попал в руки Шейбанида Абд ал-Му'мина (уб. в 1598 г.), когда он завоевал Хорасан. А когда некоторые шейбанидские эмиры из-за натиска Баки Мухаммад-хана вынуждены были покинуть Балх, они прихватили с собой этот драгоценный камень и, прибыв в Андхуд, отдали его находившемуся там Мухаммад Салим-султану, сыну Пирмухаммад-хана. Последний же, отправившись в Иран, как отмечалось выше, подарил этот алмаз шаху Аббасу I. По словам Мир Мухаммад Салима, стоимость алмаза равнялась 30 тыс. мискалей¹² золота. Продав его за такую цену, шах купил различное имущество и земельные участки и обратил их в вакф гробницы имама Али¹³.

Интересны и сведения «Силсилат ас-салатин» о возведении в городах Средней Азии и Северного Афганистана в XVI—XVII вв. культовых зданий и других сооружений.

При Шейбаниде Абд ал-Азиз-хане, по свидетельству автора, строительству религиозных учреждений было уделено особое внимание. Немалые средства выделял на эти цели сам хан. Так, по его велению было построено множество вакуфных сооружений, в том числе мечетей, медресе, среди которых Мир Мухаммад Салим выделяет медресе близ ворот шейх Джалал, соборную мечеть и ханаках (дервишская обитель) в местности Джуйбар, к западу от Бухары¹⁴. По его же приказу в 951/1544 г. была построена гробница для шейха Джалала, духовного наставника хана¹⁵.

Излагая историю Абдаллах-хана II (991/1583—1006/1598), Мир Мухаммад Салим пишет, что хан, «очистив от сора недругов» территорию до Улуг-тага и Кичик-тага, приказал построить минарет рядом с аналогичным сооружением, воздвигнутым Тимуром на одной из этих гор. Поскольку Тимур в свое время запечатлел на башне слова: «Если кто-нибудь из витязей арены сражения после нас захватит эти страны, то и в царствовании возвысится на подобные высоты», Абдаллах-хан велел написать на минарете следующее: «Кто достигнет этих мест, пусть помянет нас доброй молитвой»¹⁶.

В 985/1577 г. по приказу Абдаллах-хана в Бухаре был построен караван-сарай, который имел шесть ворот. А в год своего официального восшествия на трон (991/1583) хан приказал возвести в Бухаре крытый рынок. По словам автора, это было великолепное сооружение, торговля шла здесь всегда оживленно¹⁷. Вообще при Абдаллах-хане было построено множество мечетей, медресе, ханаках, мавзолеев и т. д. География этих сооружений обширна: Мавераннахр, Хорасан, Туркестан, Дашт-и Кипчак¹⁸. Мир Мухаммад Салим утверждает, что, еще будучи главнокомандующим войсками страны, Абдаллах-хан способствовал строительству 1001 караван-сарая, 1001 сардаба и других сооружений. Например, в 964/1557 г. в Кермине, в месте жительства Касым Шейха Азизан, были возведены «великолепный ханаках и мечеть»¹⁹.

Преемник Абдаллах-хана II Абд ал-Му'мин-хан, известный своей агрессивностью и жестокостью, тем не менее позаботился о том, чтобы в Балхе, где он в течение определенного времени (991/1583—1006/1598) находился в качестве престолонаследника, воздвигались различные сооружения. Среди них в «Силсилат ас-салатин» упоминаются портал и купол над мазаром ходжа Абу Наср Парса, портал балхского

¹⁰ Силсилат ас-салатин, л. 121б.

¹¹ Там же, л. 164а.

¹² Один мискал = 4,8—5,0 г.

¹³ Силсилат ас-салатин, л. 164а, б.

¹⁴ Там же, л. 120б.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же, л. 125б.

¹⁷ Там же, л. 127б.

¹⁸ Там же, л. 147б.

¹⁹ Там же. Касым Шейх Азизан — один из видных шейхов, сыгравший заметную роль в политической жизни Мавераннахра XVI в. Родом из Кермине. Умер в 986/1578 г. (Подробнее о нем см.: Тазкират ал-авлие, ркп. ИВ АН УзССР, инв. № 7017, л. 86б—87б).

арка, некоторые сооружения на мазаре ходжа Уккаша, свод крытого рынка Баба Джанбаз²⁰.

Интересны данные «Силсилат ас-салатин» о расширении балхской крепости. Особое внимание было уделено укреплению западной и южной ее частей. На этих работах были заняты и поденщики (маздурон). Контроль над ними был очень строгий. Того, кто проявлял нерадивость, пишет Мир Мухаммад Салим, вместо глины и кирпича закладывали в стену. Их скелеты обнаруживались в разрушенных частях стены и через полтора века, т. е. в годы составления этого труда. По словам историка, работы продолжались в течение года и завершились в 995/1586 г. В результате длина крепостного вала достигла 20 тыс. шагов (около 14 км)²¹.

К периоду правления Аштарханидов по рассматриваемому вопросу относятся следующие сведения. Соборная мечеть шейх Шане в Бухаре была построена по приказу Баки Мухаммад-хана²². Здесь же упомянут «великолепный чарбаг», возведенный в Балхе. Другой Аштарханид, Вали Мухаммад-хан приказал соорудить несколько чарбагов вокруг мазара имама Али, получивших затем широкую известность²³. Мир Мухаммад Салим сообщает о двух чарбагах, воздвигнутых в Мекке по велению Имамкули-хана (1020/1611—1051/1642)²⁴.

В медресе, построенном по велению Надр Мухаммад-хана в Балхе в 1021/1612 г., получали знание богословы, ученые, каллиграфы и другие деятели культуры²⁵. 15 ша'бана 1070/26 апреля 1660 г., в период владычества в Балхе Субханкули-султана, напротив мазара ходжа Абу Наср Парса было начато строительство другого медресе. Мир Мухаммад Салим сообщает, что его первый кирпич положил ходжа Абд ал-Гаффар, второй — Мир Мухаммад Алйа, третий — Ага-хан Азизан. А кирпичи и глину этим лицам подавал сам Субханкули-султан²⁶. Два великолепных медресе были построены в годы царствования Абд ал-Азиз-хана²⁷.

Особо отметим богатый географический материал, приведенный в «Силсилат ас-салатин». Мир Мухаммад Салим называет десятки населенных пунктов, иногда указывая их точное местоположение. Например, Харгун — в полуфарсах (3—3,5 км) от Мешхеда, Пул-и салар — в четырех фарсах (24—28 км) от Герата (л. 159б), Давлатабад — в 3,5 фарсах (18—20 км) от Исфахана (л. 176б), Джизменд — в полуфарсах (3—3,5 км) от Бухары (л. 202а), Аксарай — в четырех курухах (8 км) от Кундуза (л. 233а), Паласпуш — в одном фарсах (6—7 км) от Балха (л. 233б), Банд-и хан — в четырех фарсах (24 км) от Мерва (л. 249б). Небезынтересны и данные сочинения (л. 125б) о площади Дашт-и Кипчака — в длину 1000 фарсахов (6000 км), в ширину — 600 фарсахов (3600 км).

Привлекают внимание сведения «Силсилат ас-салатин» о пяти дорогах, связывавших Балх с Кабулом. Мир Мухаммад Салим пишет, что «от купола ислама Балха до Кабула известны всего пять дорог, по которым передвигаются караваны торговцев и курьеры»²⁸. Это — Баджгах, Буйни Кара, Гурская, Айбакская и Кундузская дорога. Самая короткая — Гурская — была равна 98 курух-и джариби, т. е. 460 км.

Здесь один курух равен 4,8 км, а не 2 км, как было принято обычно. Мир Мухаммад Салим сообщает, «что расстояния между Балхом и Кабулом, если проехать по дороге Баджгах, составляет почти 55,5 фарсах, каждый фарсах которого равен 9750 газ-и баззази, или 114 курух-и джариби, каждый курух-и [джариби] которого равен 5000 газ-и баззази, каждый газ-и баззази которого равен 42 ангуштам»²⁹. При арифметическом подсчете (для чего исходной цифрой был взят размер ангушта в пределе 2,28 см³⁰), мы получили следующие данные: один газ-и баззази равен 95,76 см, один курух-и джариби — 4788 м (4,8 км), один фарсах — 9347 м (9,3 км)³¹. Таким образом, протяженность упомянутых пяти дорог от Балха до Кабула составляла: 1) Баджгах — 55,5 фарсах, или 114 курух-и джариби (516—547 км); 2) Буйни Кара — 123 курух-и джариби (590 км); 3) Гурская — 98 курух-и джариби (460 км); 4) Айбакская — 103 курух-и джариби (494 км); 5) Кундузская — 140 курух-и джариби (672 км). «Силсилат ас-салатин» содержит обширную информацию о населенных пунктах, расположенных на этих путях, расстояниях между каждым из этих пунктов. Указаны и времена года, когда можно начинать передвижение по этим дорогам, и т. д. (л. 230а—231а).

Сведения «Силсилат ас-салатин» о видных богословах, деятелях науки и куль-

²⁰ Там же, л. 155 аб.

²¹ Там же, л. 1155б. 12 000 шагов равны одному фарсаху (примерно 8,5 км). См.: Давидович Е. А. Материалы по метрологии средневековой Средней Азии. М., 1970. С. 117, 120.

²² Силсилат ас-салатин, л. 168б.

²³ Там же, л. 170а.

²⁴ Там же, л. 204а.

²⁵ Там же, л. 265 аб.

²⁶ Там же, л. 269б.

²⁷ Там же, л. 296б.

²⁸ Там же, л. 230а.

²⁹ Там же, л. 230б.

³⁰ См.: Давидович Е. А. Материалы... С. 109.

³¹ В упомянутой работе Е. А. Давидович приведены разные размеры фарсах,.

туры по своему объему не одинаковы. Иногда автор ограничивается только упоминанием того или иного лица по какому-то случаю. Так, видный богослов хаджа Убайдаллах Ахрар (806/1404—895/1490) дал свое имя Шейбаниду Убайдаллах-хану (род. в 892/1486 г.). Наставниками последнего были: по чтению Корана — маулана Иармухаммад, по хадису — Рузбехан Исфакхани, прозванный имамом Бухара-йи сани, по фикху — маулана Махмуд Азизан, по каллиграфии — маулана Мир Али³².

Сочинение содержит также ценную информацию об одном направлении каллиграфической школы Средней Азии. Упомянутый выше Мир Али был учеником маулана Зайн ад-Дин Махмуда, а последний учился у маулана Султан Али Мешхеда. Своеобразная «генеалогия» этой школы выглядит так: маулана Мир Али — маулана Зайн ад-Дин Махмуд — маулана Султан Али Мешхеда — маулана Азхар — маулана Джа'фар ас-Саттар — хаджа Мир Али Табризи³³.

Наставником (муршидом) Шейбанида Абд ал-Азиз-хана, как явствует из «Силсилат ас-салатин», был шейх Джалал. В сочинении имеются сведения об учителях последнего. Их «генеалогия» такова: шейх Джалал — Шамс ад-Дин Мухаммад Рухи — маулана Са'ад-Дин Кашгари — маулана Низам ад-Дин Хамуш — Хаджа Ала'ад-Дин Аттор — хаджа Баха ад-Дин Накшбанд³⁴.

В сочинении упомянуты также поэты: Тураби, Нахли, Мушфики (л. 1266, 1276, 1966, 197а, 1986), ученый и надим Аштарханида Имамкули-хана, маулана Йусуф Карабаги, деятели науки и культуры: маулана Суфи, хаджа Иадгар и др. (л. 197а, 2956, 296а).

В целом материалы «Силсилат ас-салатин» проясняют многие ранее неизвестные и малоизвестные аспекты истории и истории культуры народов Средней Азии и сопредельных стран зарубежного Востока XVI — начала XVIII в., и этот источник несомненно заслуживает дальнейшего глубокого изучения историками, востоковедами, филологами и др.

А. Зияев

использовавшиеся в Средней Азии: 8,5; 9,5; 9,253 км (С. 120).

³² Силсилат ас-салатин, л. 1166—117а.

³³ Там же, л. 117а.

³⁴ Там же, л. 1206.

НАШИ ЮБИЛЯРЫ

К 60-ЛЕТИЮ К. И. ИВАНОВОЙ

Исполнилось 60 лет со дня рождения декана философско-экономического факультета ТашГУ им. В. И. Ленина, доктора философских наук, профессора Калерии Ивановны Ивановой.

К. И. Иванова родилась 11 сентября 1930 г. в Костромской области в семье рабочего. В 1954 г. окончила философский факультет ЛГУ и была направлена в САГУ (ныне ТашГУ им. В. И. Ленина) преподавателем философии. В 1963 г. без отрыва от основной педагогической работы она защищает кандидатскую диссертацию, посвященную исследованию категорий материалистической диалектики в свете ленинского философского наследия и особенностей развития современной науки, а в 1976 г. — докторскую диссертацию, посвященную исследованию особенностей функционирования принципов и категорий диалектического материализма (детерминизма, причинности) в системе фундаментальных наук. В 1977 г. К. И. Иванова была утверждена в звании профессора.

К. И. Иванова — известный специалист по проблемам детерминизма и теории познания. Ей принадлежит разработка ряда актуальных вопросов теории материалистической диалектики, а также организации исследований важных логико-методологических проблем. Изучая специфику функционирования физической, математической, химической, биолого-кибернетической форм детерминации и причинной обусловленности, К. И. Иванова внесла заметный вклад в разработку научного языка причинного описания перечисленных сфер знания, что позволило обогатить содержание отмеченных принципов и категорий. Определенным вкладом в разработку теории материалистической диалектики являются исследования К. И. Ивановой по проблемам природы философских и общенаучных принципов, их роли в раскрытии единства мира и единства научного знания.

Исследования К. И. Ивановой специфики причинных связей в системе современного химического знания до сих пор остаются по сути единственными в отечественной философии.

Результаты ее исследований нашли отражение в таких монографиях, как «Принцип причинности в системе принципов научного познания», «Ленин о причинности и критика неопозитивизма», «Современный детерминизм в науке», «Диалектика законов и принципов» и др. Всего перу К. И. Ивановой принадлежит более 50 научных трудов, в том числе 11 монографий, а также брошюры, статьи, учебные пособия и т. д., получившие высокую оценку в советской печати.

ЎЗБЕКИСТОН ССР ФАНЛАР АКАДЕМИЯСИ
АКАДЕМИЯ НАУК УЗБЕКСКОЙ ССР

ЎЗБЕКИСТОНДА
ИЖТИМОЙ
ФАНЛАР

Журнал 1957 йилдан чиқа бошлаган

1990

7

ОБЩЕСТВЕННЫЕ
НАУКИ
В УЗБЕКИСТАНЕ

Журнал издается с 1957 года

Свидетельства тому имеются в письменных источниках, да и современные мастера своими изделиями напоминают нам об искусстве предков, от которых они унаследовали бесценное достояние. Традиции эти существуют, переходя по эстафете поколений, и наша задача — сохранить их для будущего.

Л. М. Сверчков, О. А. Папахристу

ПО СТРАНИЦАМ АРХИВОВ

О ВЗАИМООТНОШЕНИЯХ БУХАРСКОГО ХАНСТВА С АФГАНИСТАНОМ В ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX ВЕКА

(По письмам эмира Хайдара)

Изучение истории взаимоотношений Бухарского ханства и Афганистана свидетельствует о том, что они издавна имели традиционно тесные связи в политической, экономической и культурной сферах, что подтверждается сведениями многочисленных источников¹.

Интересный материал к изучению взаимоотношений между Бухарой и Афганистаном дают некоторые дипломатические документы первой четверти XIX в. из рукописного фонда ИВ АН УзССР. Следует отметить, что в виду ценности этих документов они неоднократно переписывались различными переписчиками периода позднего феодализма².

Здесь мы попытаемся, опираясь на семь достоверных документов эпистолярного жанра, осветить некоторые аспекты отношений между указанными государствами. Письма эти в основном не были ранее введены в научный оборот. Да и сама тема отношений Бухары и Афганистана в первой четверти XIX в. изучена еще слабо. По данной теме можно отметить пока лишь книгу Х. Назарова³. В частности, им проанализированы два письма — на имя Шуджа ал-Мулка и торговое письмо. В нашей работе они отмечены за № 2 и 6.

Прежде чем перейти к анализу наших источников, вкратце остановимся на общей характеристике политического положения Бухарского ханства в первой четверти XIX в.

В Средней Азии начала XIX в. существовало три довольно крупных государственных образования — Бухарское, Хивинское и Кокандское ханства. Бухарское ханство, имевшее обширную территорию, занимало среди них центральное положение.

Вступление на бухарский престол эмира Хайдара (1801—1826) сопровождалось феодальными усобицами и набегами со стороны соседних государств — Хивы и Коканда.

Сведения о жизни, деятельности и личности эмира Хайдара, а также его внешней политике в исторической литературе пока незначительны⁴. Этот пробел в известной степени восполняется при изучении привлеченных нами источников.

На основании писем, отражающих внешнюю политику эмира Хайдара, а также сведений, почерпнутых из упомянутого труда Х. Назарова, можно сделать вывод, что правитель Бухары был холодным и расчетливым политиком, действовавшим в соответствии со складывавшейся политической конъюнктурой.

Что касается обстановки в начале XIX в. в Афганистане, то в целом она смогла охарактеризована К. Марксом: «Наполеон вел интриги и на Востоке; калькуттские торгаши трепетали перед такой комбинацией: Франция, Персия, Афганистан»⁵.

¹ См., напр.: Хофиз Таниш ибн Мухаммад Бухорий. Абдулломома. I жилд // Форсчадан фил. фанлари канд. Мирзоев С. таржимаси / Насирга тайёрловчи тарих фанлари канд. Б. А. Ахмедов. Тошкент, 1966; II жилд. 1969; Бабур Захируддин Мухаммад. Бабур-наме / Пер. М. А. Салье. Ташкент, 1958; Мир Мухаммад Амин-и Бухори. Убайдулла-наме / Пер. с перс. с прим. А. А. Семенова. Ташкент, 1957; Мухаммад Йусуф Мушши. Муқимханская история / Пер. с перс.-тадж., примечания и указатели А. А. Семенова. Ташкент, 1956; и др.

² См., напр.: Равзат ал-ниша. Ркп. ИВ АН УзССР, инв. № 292/1 (СВР. Т. I. Ташкент, 1952. № 378); Анонимная рукопись. Ркп. ИВ АН УзССР, инв. № 300. Образцы письменных обращений и рескриптов. Ркп. ИВ АН УзССР, инв. № 302/II (СВР. Т. I. № 386).

³ Назаров Х. Равобити Бухоро ва Афғонистон аз барпо шудани давлати Дурронихо то галтидани аморати Бухоро. Душанбе, 1963.

⁴ Иванов Н. П. Очерки по истории Средней Азии (XVI — середина XIX вв.). М., 1958; Назаров Х. Равобити Бухоро...; История Узбекской ССР. Т. II. Ташкент, 1968.

⁵ Маркс К. Хронологические выписки по истории Индии М., 1947. С. 105. См. также: Массон В. М., Ромодин В. А. История Афганистана. Т. II. М., 1965. С. 144.

Конкретно это означает, что Афганистан стал тогда сферой столкновения интересов ряда государств Европы и Азии. В первой четверти XIX в. началось продвижение к границам Афганистана как русских, так и англичан.

Обратил свои взоры на Восток и Наполеон, собираясь предпринять поход в Индию через Иран и Афганистан или через Афганистан и Россию⁶. Англия пыталась столкнуть Афганистан с Ираном. Иранские же шахи ставили своей главной целью захват Герата⁷, что и нашло свое отражение в дипломатической переписке Бухарского ханства и Афганистана.

В то время, когда внешние враги стремились лишить Афганистан независимости, Бухарское ханство, «согласно союзу и старым связям и религиозным обычаям»⁸, стремилось развить с ним добрососедские отношения.

Объектом нашего исследования стали списки (копии документов) XIX в.⁹, имеющиеся в рукописном фонде ИВ АН УзССР и включающие переписку правителя Бухары эмира Хайдара с правителями сопредельных стран, в том числе Афганистана. Рукопись № 302/II: «Образцы письменных обращений и рескриптов» — интересна между прочим, и тем, что известно имя переписчика — Мирза Садик мунши (личный секретарь эмира Хайдара).

Были изучены следующие документы: 1. Письмо Шудже ал-Мулку (1803 — 1809 гг.), л. 52а; 2. Падишаху Кабула (т. е. Шудже ал-Мулку), л. 54а; 3. Принцу Фируз ад-Дину, л. 56а — 57а; 4. Письмо (тоже Фируз ад-Дину), л. 606 — 616; 5. Принцу Фируз ад-Дину, л. 57а — 57б; 6. Письмо (торговое), л. 616 — 626; 7. Письмо Фируз ад-Дину, л. 64а — 64б.

В целом содержание указанных писем свидетельствует о том, что между Бухарой и Афганистаном существовали тесные дипломатические и политические взаимоотношения. Письма не имеют даты, они датированы по косвенным данным¹⁰.

В числе этих документов — дипломатическая переписка эмира Хайдара с правителем Герата Шуджа ал-Мулком, относящаяся, очевидно, к 1804 — 1805 гг.

Взаимосвязи Бухары и Афганистана получили интенсивное развитие в первый период правления шаха Шуджи (сына Тимур-шаха, внука Ахмад-шаха Дуррани)¹¹. Это объясняется тем, что эмира Хайдара беспокоило положение на юго-западных границах Бухары, особенно Мерва; он опасался нападения со стороны Хивы и Ирана, а потому всячески стремился укрепить дружбу с шахом Шуджой.

«В эти страшные времена, — писал эмир, — коварные шиниты захватили страны Хорасан и Ирак, кафиры протянули руку к господству страной Индией, китайские язычники захватили Кашгар, северные районы взяли христиане...»¹²

Бухара действительно оказалась в сложном положении. Чувствуя себя в кольце врагов, Хайдар наставлял: «...Слава аллаху, мы и вы — сунниты и община суннитов и считаемся взаимосвязанными... Следует двум великим державам сообща потуже затянуть общий пояс усилий, затушить водой меча борцов за мусульманскую веру их (шинитов) смуты... От содействия и помощи не откажем друг другу»¹³.

Обращает на себя внимание тот факт, что эмир в своих письмах постоянно делает ударение на то, что узбеки и афганцы — сунниты и на этой основе они также должны объединиться. Отсюда очевидно, что во взаимоотношениях между государствами религиозные связи занимали далеко не последнее место. И зачастую военные действия против врагов приобретали религиозную окраску, называясь «священной войной» (джихад), «священной войной за веру» (газават).

Впрочем, нередко воевали между собой и единственные соседние государства. Так, в 1804 г. на Бухару напал хивинский хан Ильтузар. Эмир Хайдар отправил к границам Хивинского ханства отряд, нанесший поражение хивинцам, после чего их набеги надолго прекратились. Ильтузар, по утверждению эмира Хайдара, «переступил через обычай предков и дедов своих, изгнав хана Ургенча, себя объявив ханом. По легкомыслию своему он протянул руку гнета и насилия. На высокий постамент установил знамя бунта и смуты, так что закрыл дорогу давней дружбе... Мы послали полк из победоносного войска для наказания этого наглого претендента... На берегу реки Джейхун произошло столкновение отрядов, переполненных упорством. Затянулся бой

⁶ Массон В. М., Ромодин В. А. История Афганистана. Т. II. С. 146; Риштия С. К. Афганистан в XIX в. М., 1958. С. 21; Назаров Х. Равобити Бухоро... С. 29.

⁷ Назаров Х. Равобити Бухоро... С. 29. См. также: Риштия С. К. Афганистан в XIX в. С. 22, 25, 30.

⁸ Ркп. ИВ АН УзССР, инв. № 302/II, л. 57а — 57б.

⁹ Там же, инв. № 292/I, 300, 302/II.

¹⁰ Назаров Х. Равобити Бухоро...; Риштия С. К. Афганистан в XIX в. С. 105; Массон В. М., Ромодин В. А. История Афганистана. Т. II. С. 146, 151.

¹¹ Вакият-и Шах-Шуджа. См.: Стори И. А. Персидская литература. Ч. II. М., 1972. С. 13—25.

¹² Ркп. ИВ АН УзССР, инв. № 302/II, л. 54а

¹³ Там же.

с обеих сторон»¹⁴. В конечном счете Ильтузар-инак потерпел сокрушительное поражение и был поглощен частью небытия морского чудовища»¹⁵, т. е. утонул.

Содержание писем на имя Фируз ад-Дина¹⁶, написанных очевидно, в 1812—1816 г., подтверждает, в частности, тот факт, что обстановка вокруг Герата была сложной. Ходжа Фируз ад-Дин просил эмира об оказании военной помощи, что видно из ответов Хайдара.

Ответ эмира свидетельствует также о наличии между двумя государствами известного союза: «Согласно союзу и старым связям и религиозным обычаям, окажем помощь и содействие. Основное наше намерение — газават»¹⁷. Опять, как видим, под военно-политические действия подводится религиозная основа.

Положение Фируз ад-Дина еще более усугублялось внутренними распрями и нестабильностью: «... (Слышали), что попутный ветер смут и мятжежа так затуманил Герат, что из-за него ворота крепости не открывались ни для входящих, ни для выходящих. Услышав это известие, мы опечалились и изумились»¹⁸. Для выяснения истинного положения дел в Герат из Бухары был направлен гонец.

Эмир Хайдар известил Фируз ад-Дина, что им собрана «воинствующая молодежь с целью оказания помощи и содействия»¹⁹. И далее: «... (Мы) приказали отправиться с поспешностью к той границе Хаким-хану с (отрядом) преданных воннов»²⁰.

Эмир предлагал в помощь и военную технику: «...И если потребуются для боевых действий орудия и пушки, пошлите уведомление без задержки»²¹.

Вместе с тем, учитывая сложность внутривосточной обстановки, эмир устраняется от непосредственного вовлечения Бухары в военный конфликт и, оправдываясь пишет: «...Из-за задержки гонца с письмом (мы) не имели возможности обдумать полученное известие о том, каково положение Герата. Кроме того, получив (эти) известия, отправили в ту сторону приближенные борьбы и храбрости, чтобы они увидели, наблюдал положение области, сообщил бы истинное положение дел...»²²

Особое место в политической жизни Бухары и Афганистана занимал обмен послами. Это видно, в частности, и из письма эмира Фируз ад-Дину. Так, Хайдар ставит его в известность, что гератские послы прибыли в Бухару. «Благодарение аллаху, (что) было написано пером самое дорогое слово, знаменитое письмо, которое (вы) послали со знатными людьми, прибежищами шарията и величия, милости и отваги, ахундом муллою Абдулхаком и Халил-ханом и послание дошло»²³.

Бухара и Афганистан издавна были и торговыми партнерами. Как сказано в одном из документов, «в интересах выгоды (купцы) постоянно ездят туда и обратно в столицу верховного правителя. Из этого извлекают много выгоды. Познакомились с хакимами и эмирами на той стороне реки. Своими критическими речами установили правило, основанное на доверии между теми племенами... Человек (купец) приносит пользу и благо для обеих сторон»²⁴...

Итак, в чем же ценность приведенных выше писем эмира Хайдара?

Во-первых, они подтверждают, что первая четверть XIX в. была временем смут как для Бухарского ханства, так и для Афганистана. Оно отличалось нестабильностью и внутри-государств, и на их границах.

Бухарское ханство раздирали внутренние противоречия и междоусобицы²⁵. Положение усугублялось постоянными набегами со стороны ближайших соседей. Требовалось немало усилий, в том числе дипломатических, чтобы сохранить целостность и самостоятельность ханства.

Что касается Афганистана, то он в силу ряда причин стал ареной интриг и притязаний ряда государств не только Востока, но и Запада.

Во-вторых, письма содержат ценную информацию о политических, культурных, торговых контактах между Бухарой и Афганистаном, и не только в период правления эмира Хайдара. Установление же между ними военного союза было жизненно важным для обеих сторон. Эти разносторонние связи были для них взаимовыгодны и органически необходимы и строились на равноправных и добровольных началах, ибо отвечали коренным интересам обеих сторон.

¹⁴ Там же, л. 52а.

¹⁵ Там же

¹⁶ Фируз ад-Дин — правитель Герата, сын Заман-шаха. Полагаем, что годы его правления — 1804—1820, ибо после 1820 г. его имя в исторической литературе мы не встречаем.

¹⁷ Ркп. ИВ АН УзССР, инв. № 302/II, л. 57а—57б.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же, л. 60б—61б.

²⁰ Там же.

²¹ Там же.

²² Там же, л. 56а—57а.

²³ Там же, л. 64а—64б.

²⁴ Там же, л. 61б—62б.

²⁵ См.: История Узбекской ССР. Т. I. Ташкент, 1967. С. 655—659; Иванов П. П. Очерки по истории Средней Азии. М., 1958. С. 117—120, 123, 140—141; и др.

И, наконец, письма привлекательны как образец эпистолярного жанра той эпохи. Цветистость стиля, строгое следование определенным канонам, присущим восточной литературе, могут служить предметом особого исследования.

Б. Ходжаева

НОВЫЕ КНИГИ

ИЗ ИСТОРИИ СВОБОДОМЫСЛИЯ НАРОДОВ СРЕДНЕЙ АЗИИ

(Ташкент: Фан, 1990. 188 с.; на узб. яз.)

Во все времена духовно-нравственной основой здорового состояния любого общества служили и служат преемственность и действенность общечеловеческих ценностей и достижений культуры, созданных предшествующими поколениями. В этой связи большой интерес представляют глубокие традиции свободомыслия народов Средней Азии, анализу которого и посвящен коллективный труд, подготовленный под руководством акад. АН УзССР М. М. Хайруллаева.

Авторы исследования на большом фактическом материале убедительно показывают, что свободомыслие народов Средней Азии с момента своего становления до начала XX в. не прекращало «защищать социальную справедливость», «равноправие людей и бороться против эксплуатации» (с. 19).

Правильное и объективное рассмотрение материальных и духовных феноменов бытия прежде всего обусловлено разработкой методологических начал исследования проблемы, которые стали предметом серьезного внимания авторов в I главе. Здесь диалектически верно высечены социальные корни, исторические условия и основные компоненты свободомыслия народов средневекового Востока. Особое внимание уделено вопросам методологии исследования роли ислама в общественной жизни народов Средней Азии, значения свободомыслия и антиклерикализма в условиях господства феодально-клерикальной идеологии.

Авторы справедливо выступают за дифференцированный подход к исламу, особенно к изучению, с одной стороны, роли различных религиозно-философских, суфийских течений, а с другой — идей выдающихся мыслителей, которые прямо или косвенно расширяли социальную базу прогрессивного свободомыслия и антиклерикализма, втягивали широкие массы в борьбу за социальную справедливость (с. 46).

Проявления свободомыслия и антиклерикализма в естественно-научных и социально-философских учениях раннесредневековой Средней Азии подробно прослеживаются во II главе. Здесь показано непосредственное и плодотворное влияние на становление прогрессивной социально-философской мысли народов Средней Азии Хорезми, Фараби, Беруни, Ибн Сины и других выдающихся ученых рассматриваемого региона (с. 54—104). Ученые-энциклопедисты пролагали «путь секуляризации общественного сознания» (с. 59), «свободомыслию и антиклерикализму» (с. 66), формированию принципов новой, трудовой этики, перерастанию самостоятельного критического суждения в вопросах веры в независимую социальную позицию.

Пафос гражданственности, общественной активности — примечательная черта философов выдающихся ученых-мыслителей периода развитого феодализма: Али Кушчи, Улугбека, Захони, Навои и др. — получает свое освещение в III главе. Их вера во всемогущество знаний содержит в себе, конечно, немало наивного, но как верно замечают авторы, сама эта наивность была исторически действительна и прогрессивна. Вместе с тем в книге справедливо отмечается: «Прогрессив мутафаккирлар худо ва борлиқнинг ўзаро муносабатини бошқача ҳал қилдилар...инсон қадр-қиммати, меҳнати, ердаги ҳаётнинг афзаллигини таъкиддилар...инсонни, севги-муҳаббатни юксакликка кўтардилар, адолат тарафдори бўдилар» (с. 124).

В IV главе показано, что свободомыслие и антиклерикализм рассматриваемого периода запечатлелись не только в социально-философском плане, но давали о себе знать и в национальной психологии, идеологии, в утверждавшемся новом понимании значения науки. Здесь фигурируют такие известные ученые периода позднего феодализма, как Юсуф Карабаги, Машраб, Мунис, Огахи и др., взгляды которых ныне приобретают особо важное значение (с. 153). По резонному утверждению авторов, творческое наследие их содействует активной пропаганде научного миропонимания в наши дни (с. 153—170).

В V главе освещается история просветительского свободомыслия и антиклерикализма конца XIX — начала XX в. Вера во всемогущество разума и знания, борьба за просвещение широких масс, против господствовавшей идеологии ислама характеризует идеологию просветительского движения народов Средней Азии (с. 171—183). В методологическом нравственном подходе, в контексте свободомыслия и антиклерикализма просветительства авторы этой главы верно усматривают первоначало эти-